

Исцеление Ильи Муромца (3)

Отец старóго был Муромец, а мать — Анастасея Софеевна. Отец и мать его засеяли, он и родился.

Он у их рос до тридцати лет без ног, без рук, сидел на печке на муравленке, отец и мать его всё кормили.

Отец и матери его в то время, в зимнее время, разной работой занимались, а в летнею пору поля разнимали.

Целых тридцать лет сынок нездоров был.

Сидит он на печке на муравленке — отец с матерью дома не жили — сидит он на печке на муравленке,

старóй козак Илья Муромец. И вот заходят три сиротины. «Здравствуй, говорят, старóй козак

Илья Муромец». — «А, говорит, здравствуйте, калики убогие, сумки да переносные». И говорят калики:

«Старóй козак Илья Муромец! Подай милóсыню спасенную». Он и подал милосыню спасенную. Они и

говорят: «Старóй козак Илья Муромец, вставай с печки со муравленки!» А он и говорит: «А и ой еси, калики

убогие, сумки переносные! Я сижу на печке-муравленке ровно тридцать лет. Я встать, говорит, не могу». А калики

говорят: «Вставай, старóй, не омманывай!» Говорят до трёх раз, всё не верят ему. Старóй козак Илья

Муромец, как они глазами взвели, вскочил с печки со муравленки. Откуда взялись руки и ноги у старóго козака Ильи Муромца.

Говорят эти калики убогие: «Спустись-ко ты в ренские погреба глубокие, налей цяру зеленá винá

и принеси к нам сюда». Вот он спускался и вино им поднял, не велику цяру, не малую — ровнёхонько

полтора ведра. И калики и говорят: «Ну-ка, выпей, Илья Муромец, эту цярочку в полтора ведра на

единый дух». Вот он и эту цярочку выпил на единый дух и не прикорчился. Вот он и подвыпил. А калики

его и спросили: «Много ли чувствуешь силушки?» А он и ответил: «Во мне

силушки много-множество». —

«А ну-ко ещо, старой Илья Муромец, спустишь в ренские погреба, подними
цяру зеленá винá, не малу,
не велику, а в два ведра ровнёхонько».

Вот он и спустился, опять налил вина виноградного два ведра и подал.

Калики опять приказали

выпить. Он и выпил. Они спросили: «Много ли чувствуешь могуть-силы?» —

«А во мне, говорит, силы

стало много-множество. Было бы в матушки во сырой земли столб от земли
до неба, а в столбу колечко

золотое заверчено, поворотил бы нижний конец вверх, а верхний вниз». Эти
калики говорят и в третий

раз: «Спустишь ты, Илья Муромец, в ренские погреба, налей цяру зеленá
винá, не малу, не велику —

в три ведра ровнёхонько». Вот он поднял третью цяру вина. А они и говорят:

«Выпей-ко эту цяру в три

ведра». Вот он эту цяру выпил, третью-то. А калики его на третий раз

спрашивают: «Много ли чувствуешь

могут-силы богатырской?» — «А во мне стало, говорит, силушки —
половинушка».

Тогда он бросился в кут по милосыню. А вернулся — калик нет, двери не
отворялись, а калики

потерялись. Старой же козак Илья Муромец выскочил на улицу, хотел калик
догнать. На улице нет

никого. Выхватил из кармана трубочку подзорную, посмотрел в поле, где
отец и мать в поле занимаются.

Тогда же он в то побегал дубьё рвать. Стал он из земли дубьё рвать-
крошить со всем с кореньём.

Отец-мать тридцать лет поле рознимали, а он в три часа поле очистил,
старой козак Илья Муромец,

ихнее детыще. А отец-мать увидели: «Экой богатырь их поле рознимает».

А он в то время забежал

в йзбу, лёг на койку, где отец с матерью спят, отдыхать. Вот отец и матери
пришли, зашли с поля в йзбу,

а на кровати их сын спит, старой козак Илья Муромец. Вот отец и матери
поймались ему на шею

и заплакали: откуда ему Бог руки-ноги дал? Тогда же он сказал: «Не
плачьте, отец и мать, дал мне

руки-ноги Бог». Вот он тогда на ноги стал.

И стали из города приходять посматривать старóго козак Илью Муромця. Он тогда и говорит, старóй козак: «Отець мой родитель, поездяй в стольной Киев-град, купи бурушка троелеточка» (*по-нашему — коня*). Вот тогда отец его Егор Тимофеевич пошёл в стольный город Киев-град (*такой же, как Питер был*). Вот отец сходил в город и купил там коня, бурушка косматенького троелеточка. Илье Муромцу конь понравился. Вот Илья Муромец коня взял и дал отцу денег тридцать златниц злата и серебра.

Тогда же старóй козак Илья Муромец оседлал своего коня, обуздал, поездяет в чисто поле, пробует, каков конь у его. Вот сколько ли поездил, долго ли, коротко ли — приеждяет к своему отцу Егору Тимофеевичу. Тогда же он, старóй козак Илья Муромец, снимает доспехи богатырские, палицу буёвую и все шелкóвые арканы, копьё долгомерное и саблю вострую. (*Товарищцы носят шашки, а богáтыри сабли.*) Ставил своего коня и кормил пшеном белояровым.

Вот он тогда, козак Илья Муромец, коня спустил и роздёрнул шатёр белобархатной (*у русских богáтырей белый шатёр, у чужих — чёрный*).

И заходит Илья Муромец в свой белой шатёр, поставил столики дубовые, роздёрнул скатерти белобархатные. Тут старóй козак Илья Еремеевич попил, покушал, стал во полухмелью. Вот старóй ложился спать и заснул сном богáтырским. Спал старóй в шатре двенадцать суток. На тринадцатые сутки старóй пробужаетца. Одевался, вымывался ключевой водой, утирался чистым тонким полотенцем, молилса Господу Богу, сел, попил, покушал за столики дубовые. Выходит старóй козак Илья Муромец вон на улицу и имал своего добра коня. Садилса на добра коня и отправилса старóй козак к отцу-матери в свой родимый град.

Вот он приехал к отцу-матери. Снимали отец-мати со добра коня старого козака Илью Муромца.

Заходил старой к отцу с матерью. Прожил с ними месяц, более. Вот он задумал ехать. Говорит отцу-матери:

«Сдумал я ехать в стольный Киев-град». Вот он отцу в ноги пал. Отец и спустил его. Вот он и матери родимой Анастасеи Софеевны в ноги. Анастасея Софеевна не спускает: «Не ездят в стольной Киев-град, не дам благословения». А он лежит, и плачет, и просит. Ну, она и спустила. Только говорит:

«А подорожных людей не убивать, а безвинных не ворошить!» Мати его подняла с полу. Он и вышел, старой козак Илья Муромец, на улицу. Он и клал двенадцать подпругов на коня, чтобы конь из седла не выронил, а тринадцатую клал через кониную степ для всякой всячины. Собрался народ смотреть, много народу скопилось, хотят смотреть поездку Ильи Муромца, как он поедет. Никто не мог увидеть, как старой скрылся из глаз, уехал из города. Скопотил все желты пески макарьевски: курева идёт, дым столбом валит. Вот старой козак Илья Муромец — не видать сходимы красны солнышка: всё чисто скопотил, всю землю матушку.

Вот, значит, какое дело.

Тогда же старой козак Илья Муромец выехал в поле, по полю трое суток катит. Подъезжает он к дубову столбу на трактовой дороге, а на столбу золоты подписи велики подписаны. Старой козак Илья Муромец близехонько подъехал и видит: «По премой дороге ехать — быть богатому. А по левой дорожке ехать — быть женатому. А по правой дорожке ехать — быть убитому». Вот Илья Муромец и призадумался: «А на што мне, старому, на стары дни богатство, на што злато-серебро? А шё мне, старому, жениться? А женитьца на стары дни — чужа корысть. (А он еще не старой, тридцет лет.) А поеду я по той дорожке по правой, где мне быть убиту». Вот старой козак Илья Муромец отправился в стольной

Киев-град по той дорожке, где быть убитому.

Вот он долго ли, коротко ли ехал, больш́и те речки плавунóм плывёт, а мелкие речки промеж ног берёт. Вот он приехал во чистó поле. Много в чистом поле стоит силы-армии. Стоят разбойники-подорожники.

А эта дорога запала-залегла ровно тридцать лет. Никто по ней не ездывал. Вот заезжает старой

Илья Муромец в эту армию, в самую серёдочку. Остановил коня в самой серёдочке. И говорит-то козак

Илья Муромец: «Уж вы здравствуйте, удалы добры молодцы, всё сыновья-дети отечские!» Они ему никакой ответ не дают. Вот они начали друг дружку глазами помаргивать, хотят Илью Муромца убить.

А Илья Муромец на коне сидит, ни к чему не ведает. Он и говорит: «Уж вы удалы добры молодцы, сыновья-дети отечские! Уж и взять с меня, старого, нечего. Есь у меня сорок калёных стрелочек, и кажная стрелочка стоит по рублику, и всего-то это выйdet сорок рубликов. А есь у мя с собой пухов колпак, если продать, стоит он петьсот рублей. А есь у мя с собой кунья шуба. Конь у мя простой — без числа-сметы нет, сколько стоит». Вот эти розбойники-подорожники хотят старóго убить, голову срубить. А отец-мать благословения не дали людей убивать.

Вот Илья Муромец снимает тугой лук и кладёт калену стрелу́ в тугóй лук. И спускает калену́ стрелу́ во чистó полё во матушку во сыру́ землю. Залетела эта стрелочка в сырой дуб. И был этот дуб вышиной в десеть сажен, а шириной в три охвата мусьские. И залетела калена в дуб, и весь дуб раскрóшила в мелкие <дребезги>. От этого страху от великого все разбойники пали на землю и лежали трое сутоцек.

А старóй козак эти трое суток всё на коне высидел, ждёт, как <встанут>. Тогда на четвёртые сутки все проспались, встали на резвы́ ногí. Вот тогда эти разбойники все кланяютця старому козаку Илье Муромцу.

Говорит старóй козак Илья Муромец: «Уж вы ой еси, разбойники, удалы добры молодцы! Будете вы

подорожничать, с онного разá сниму у всех головы с плеч, всех побью».

Ну, вот, ланно, хорошо. «Обернитесь вы на восточну сторону, помолитесь вы Богу и станьте добрыми людьми, не подорожничайте, и я тогда вас прощу». Вот они тогда стали, помолились Богу на восточну сторону: «Што и станем мы, разбойники-подорожники, станем стоять за веру за крещёную». Тогда старой козак Илья Муромец оставил их в живых и сам поехал от их прочь.

Долго ли ехал, ли коротко, доехал до большого болота зыбучего, тут был калинный мост. По тому мосту русьские богáтыри ездили всё. Некоторые мостовины по этому мосту выгнали, некоторые свалились. Вот он тогда спустил коня во чисто поле. Начал ладить мост. Этот мост, мостовинки он повыст[л]ал, столбики повыстановил, а мост весь повыладил. На столбы́ разных птиц повысадил. Тогда вскочил старóй козак Илья Муромец на добрá коня и отправилса опять в путь-дороженку по этому мосту. Долго ли коротко ли ехал. Едет по чистому полю, коня не поит, не кормит и сам не ест, всё едет в путь-дорожку. Вот он долго ли, коротко ли ехал. А тут Соловей-разбойник, самый главный подорожник, на дубах на великих гнездо свито. Не допускал он на двенадцеть вёрст, страхом-рёвом людей убивал.

Тогда же Соловей Рахматович засвистел по-змеиному, заревел по-звериному. У старóго козака Ильи Муромца конь на все четыре коленца пал, а старóй сидит. Тогда старóй вытаскивает плéточку шелкóвую, коня одёрнул шелкóвой плéткой; скочил он на резвы́ ногí, по-ста́рому стал. Тогда старóй козак Илья Муромец сымал со плеч тугóй лук свой, лук подорожной. И стрелíл он по матушке сырой земле в сторону, где Соловей сидит. Перву-то он стрелочку не дóстрелил, ниже она ушла; кладёт он другу в лук, стрелят во матушку сыру землю. Другу-то стрéлочку стрелíл, промáху опять сделал. Кладёт он трéтью

стрелочку в тугóй лук и метит в Соловья Рахматовича — и спустил калену́ стрелу. Полетела каленá стрела и залетела Соловью прямо в пра́вой глаз. И полетел Соловей Рахматович со тех дубов с матерящих со великих на матушку на сыру́ зёмлю. А старой козак начал погóбивать коня к Соловью-разбойнику, и подгонíл, и схватил за бёлы руки, и завезал к седлу, и подвесил нога подверх, головой испод, так его и везёт.

Вот едет к его́у двору, где его жена. Дети малые бегают, играют. Прибежали, говорят: «Мамонька, едет наш тятя, везёт русского богатыря — ноги наверх, головой испод». Тогда же мати говорит: «Нет, дети мои любезные. Едет Илья Муромец, везёт вашего татетку головушкой испод, ногами вверх». *(Она уже знает.)*

Вот Илья Муромец подъезжает к их высокоу терему. Там стоит столб, на нем три колечка. Одно колечко менно, друго серебрено, третье золото. Он за все три колечка коня завезал. Заходил тогда в палаты ейны кнеженецкие поганые. Ихним богам Богу не молитца, целом не бьёт и головы не гнёт. Тогда сейчас дети малые и сама она в ноги кланяютца: «Прости нас, старóй козак, мы виноваты, что подорожничали». Старóй козак простил, не убил понапрасному егову жену и детей. У его ещо были три дочери змей. Две дочери пришли, простились, старóй их не убил, а третья не пришла, спряталась. Тогда старóй козак Илья Муромец вышел на улицу, сел на коня и ладит поеждять. А у их было трое воротá подмазаны. Вот старóй под эти воротá подъехал. Вот он проехал эти ворота, што двое сестер простились, а под третьи подъехал, — сам и конь полетели в яму. А у коня были под собой бумажные крылья, старóй и не знал, он и поднялся и удержался. Тогда он заскочил в ейный шатёр, она в ём и сидит, некуда ей деваться. Заскочил в шатёр, схватил за волосы за долгие за женские и хватил ее о пол. Тут ее убил, разлетелись

ее кося по матушке по земле, а тех оставил в живых.

Вот тогда старóй козак поехал в стольной Киев-град. *(Раз поехал, нужно доехать.)* Долго ли, коротко ли ехал, одержал коня, заехал на высоко место, на холм. Посмотрел в трубочку подзорную во все стороны, где стольной Киев-град. Вот он тогда посмотрел под сторону под летнюю — стоят одни поля зелёные, одни луга прекрасные; поглядел под сторонушку под западну — увидел снёги глубокие, ничего не увидел, ничего не знаменуетця; поглядел он под сторону под зимнюю — увидел там большие велики льды непроходимые. Потом посмотрел в тёплую сторону — стоит стольной Киев-град. В знаменáх знаменуетця, в трубочку оказуетця. Тогда старóй козак Илья Муромец сел на коня и поехал вперёд. Поехал до Киева-града.

Долго ли, коротко ли ехал — доехал до Киева-града. Ворота все поняты, стены все повыкладены, штоб в город никто не проехал, всё закреплено. Да тогда старой козак Илья Муромец одёрнул коня: «Неси меня, конь, через стены городовые!» Хватил он плёточкой шелкóвой. Скочил конь через крепости городовые, да вот тогда старóй козак по городу едет. Заезжает к дворцу хрустальному кнеженецкому. Заезжает в ограду. В ограде столб, на столбе подписи подписаны, золоты буквы: «За менно кольцё везать людям мещанам городовым, крестьянам всем; а за серебрено кольцё везать людям торговым, купцам всем, людям чиновным; а за золото кольцё везать кнезьям, русьским богáтырям, поленицам преудалым». А Соловей Рахматович всё у седла висит, всё живой ещё. Соскочил тогда старóй со добра коня, сымает шелков повод, снимает доспехи богатырские, все сбрую лошадиную. Вот старóй Илья Муромец насыпал пшены-муки белояровой, налил баскóй воды медляной, наложил шелкóй травы. Тогда заходит старóй козак в палаты кнеженецкие, поклон-то он ведёт поучёному, а молитву творит

по-писа́ному, на все на четыре стороны покланяетца, князю и кнегине в
особицу. У князя почестен пир,
народу много-множество. Тут вси кнези́, русьские богатыри. И вот князь
Владимир его принимает.

Сымает с его дорогу́ шубу ено́тову. Посадил его за дубовой стол за
перёдний. Вот его начали спрашивать:

«Откуль, добрый молодец? Куда путь правишь?»

Вот и стал рассказывать: «Еду я из города Карачаева, зовут меня старо́й
козак Илья Муромец».

Вот и стали его спрашивать: «Покуль ехал, какой дорожкой?» — «Я ехал той
дорожкой премоеждею,

и всех видел я разбойников и всех подорожников. А ежели вы не верите, я
привёз Соловья Рахматовича

с собой». — «Ну, если привёз, так неси с собой Соловья Рахматовича». *(Все
ведь добрыи князи́,*

богатыри, и я там был, под поро́гом сидел.)

Вот тогда он и занёс, старо́й, Соловья в избу. Все на Соловья смотрят, у
Соловья стрелá так в

правом глазу́ и сидит, кровь бежит. Князь и говорит: «Старо́й козак Илья
Муромец! Я на веку не слыхал

свиста соловьиного, рёва змеиноного, пусть Соловей засвистит, заревёт». Ну,
вот, ладно, хорошо. Старо́й

козак и приказывает: «Засвисти, Со́ловей, в по́лсвиста, зареви в по́лрева по-
соловьиному да по-змеиноному».

Ну, вот, значит, он и заревел, засвистел во весь свист. Только весь
княженецкий дворец задрожал.

И заревел по-змеиноному во весь рёв. Все попадали. А кнезя да кнегину Илья
Муромец за руки держал,

так они дрожали.

Вот всё это время прошло, народ стал шевелитьца. Илья Муромец схватил
Соловья Рахматовича

и потащил вон на улицу из палат кнеженецких. Вытащил, бросил о землю,
тут он и убил.

Вот он тогда зашёл на почестен пир. Вот тогда стали подпаивать зелёным
вином. Подле право́й руки

сидит Самсон Колыбанович, а подле ле́вой руки — Дунай сын Иванович. Вот
народ стал на пиру все

пьяные. Отецкой сын хв́астат золотой казной, а новой хв́астат высоким теремом. Вот тут на пиру
доспелись, народ пьяный, все разошлись кто куда на улицу, в чисто поле, сделали шатры и легли спать.

Богатыри-то спят, а курзы́-мурзы́ городóвые стали князю сказывать:
«Старóй шибко хвастат: „Я все
дороги проехал, приехал в стольной Киев-град. Стольной Киев-град весь
возьму, силу всю повысеку,
кнезя́ Владимира возьму в работники, а кнегину-государыню возьму за себя
замуж“». Тогда же князь
Владимир крепко осердился. А кнегина этого дела не знает, ещё спит.
Владимир-князь приказал:
«Курзы́-мурзы́, копайте яму долину сорока́ локот, и в ширину сорока́ локот,
и в глубину сорока́ локот,
и посадите старого Илью Муромца в эту яму со всем с конём. Накладите
шлеги железные наверх,
положите плиту железную на эти матицы. Навалите матушки сырóй земли́. А
на матушку сыру́ землю́
навалите д́кого камня серого. *(А старóй в поле спит, ничего не знат.)* И
залейте всю цементом. Тогда
придите ко мне обратно». Вот они пришли обратно. Старóго посадили, он
сидит лет тридцать. Думают —
помер. А кнегина свет государыня доспела подкопы, и она там поила-
кормила его тридцать лет, и никто
не знал.

Вот на этот город нашла сила-армия несметная, поганая. Поганый
Идолишше приеждает. Приходит
посол: «Пусть князь со мной добром мирится, а кнегину замуж за меня
отдаст!» *(Вот какие разбойники-подорожники
пришли!)* Вот пришла сила, а князь сильно запечалился: некого послать
воевать.

А кнегина подошла и говорит: «Дозволь мне слово молвить супротив себя.
Ой же ты солнышко Владимир-князь!
У нас живóй в яме сидит Илья Муромец». А Владимир собрал силу большую
против Издолишша,
никто не может одолеть. Ну, вот князь и приказывал: «Курзы́-мурзы́, идите
откапывайте Илью
Муромца и ведите ко мне на лицё, буде живóй». А князь думает: «Какой

богатырь! До сих пор живой
в земли». Вот пошли, камень свалили, плиту сняли. Сидит Илья Муромец на
дубовом столе, на столе
книга Евангелъе, и читат старой, сам бел, и конь бел. Вот эти курзы-мурзы
кланяютца: «Просит тебя
солнышко

Владимир-князь, тебя на почестен пир». А старой головы не поднимает, не
гнёт, сидит, читает книгу
Евангелъе. Тогда роскопали яму. Курзы-мурзы пошли к Владимиру и
сказали: «Да, действительно,

Илья Муромец сидит, читает книгу Евангелъе, челом не бьёт, головы не
гнёт, своей буйной головы
о стол. Сам бел, как бел куропат, сам бел, и конь бел».

Князь поехал на лошади, кучер повёз. Не подымат старой буйной головы,
ничего не разговариват.

Вот приехал и начал рассказывать всем русским богатырям и своей
кнегине. И говорит кнегины:

«Ты, моя хозяйка, пойдди, попроси, может послушает тебя, подымет свою
буйну голову, приедет на
почесен пир».

Ну, вот кнегина и поехала. Кучера тоже повезли. Вот она подъехала, с
коляски слезла и подошла

к этой ямы. Вот подошла, кланяетца: «Здравствуй, старой козак Илья
Муромец! Напала на наш град

рать-сила несметная, хочет весь град огнём сожгать, весь народ полонить,
меня взять в куфарочки.

Не можешь ли оборонить стольной Киев-град?» Тогда старой козак Илья
Муромец вскочил на резвы

ноги, пал кнегины в ноги и говорит: «Рад, кнегина, тебе служить, еду в
ваши палаты княженецкие,
к кнезю Владимиру на почесен пир».

Вот кнегина не успела приехать, а Илья Муромец уж едет на своём коне ко
ласкову князю Владимиру,
опять к тому столбу, опять привезал коня.

Опéть зашёл, поздоровался, и его посадили в передний угол на то же место, где он сидел, когда из города своего от отца-матери уехал.

Тогда князь говорит: «Ой же ты, старóй Илья Муромец! Стена наша городовая, дума наша крепкая, задвирочка наша золочёная, пособи нам горе мыкати!» А старóй говорит: «Ой же ты, князь Владимир!

Не со мной ты пил-кушал, не со мной думу думал, а с погаными татарами кособрюхими». Подошла кнегина и говорит: «Пожалей, старóй козак Илья Муромец! Заступись за наш стольной Киев-град.

Побей, покоси силу-рать несчётную, поганую!» Вот как кнегина и сказала, все русьские богáтыри от князя вон пошли. Вот все они ошатíлись в поле, в онóм шатре двое, в онóм — трое.

Долго ли, коротко ли спали, все собрались в оннóм месте, начал старóй с ними толковать. Говорит старóй всем русьским богáтырям: «Вот таперича я, говорит, поеду в поле один, послушаю силу великую.

А вы ждите, слушайте. Тогда я буду косить силу-армию несчётную. Зазвонит моя сабля вострая, забрякат моя поклýшка золочёная (*у сабли*), тогда не ездите во чистó поле. А буде не забрякат моя сабля вострая, не зазвонит поклýшка золочёная, — выезжайте ко мне в поле чистое, помогите, пособиите косить армию великую». Вот тогда старóй и поехал в поле. А богáтырь Самсон и другие к земли приникли, ушмí припали.

Старóй заезжает в серёдку силы-армии несчётной поганой и начал косить-рубить силу-армию несчётную безобразную. Зазвонила сабля вострая, забрякала поклýшка золочёная. Тогда не поехали к старому пособиать. Вот старóй косил силу-армию татарскую суточки без питеру, без едеру, безо снóу.

Ну, вот, ланно, хорошо. Остальные богáтыри выехали рубить, всех покосили, остальные, кто мог, на кораблях ушли. Вот тогда перекосили, стоят, толкуют, кони побрели. Вот

тогда в поле выехали, свалились
в шатёр спать. А в городе флаги весёлы навесили, кабаки новы царёвы
отвóрили — вино пить безденежно.
Вот эти богáтыри вставали на резвы́ ноги, умывались ключевой водой, Богу
молятца, утираютца
чистым белым полотенцем. Тогда в город приехали, заеждяют в новы
царевы кабаки, стали пить вино
безденежно. *(Тут и конец.)*

*(Зап. Астаховой А. М.: 20 июля 1929 г., д. Климовка Усть-Цилемского р-на —
от Торопова Павла Ивановича, 57 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.